

Матюшевская М. И.

Мизопатрия как причина революционных потрясений 1917 года в оценке Г. П. Федотова

Аннотация. В статье представлен анализ творческого наследия философа и публициста Г. П. Федотова, относящегося к периоду его эмиграции. Рассматривается его гипотеза, согласно которой мизопатрия является одной из причин революционных потрясений в России. Автор также анализирует обзор российской историографии XIX–XX веков, осуществленный Г. П. Федотовым.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, Первая мировая война, эмиграция, мизопатрия, национальная идея, историография, Г. П. Федотов.

Mizopatria as the cause of the revolutionary upheavals of 1917 in the assessment of G. Fedotov

Abstract. The article presents an analysis of the creative heritage of the philosopher and publicist G. P. Fedotov, referring to the period of his emigration. His hypothesis is being considered, according to which mizopatria is one of the causes of revolutionary upheavals in Russia. The author also analyzes the review of Russian historiography of the XIX–XX, carried out by G. P. Fedotov.

Keywords: February revolution, October revolution, First World War, emigration, mizopatry, national idea, historiography, G. P. Fedotov.

В эмигрантский период жизни Г. П. Федотова (род. 1886 г., Саратов – ум. 1951 г., Нью-Йорк) его философско-публицистическое творчество было посвящено осмыслению причин и последствий для России и мировой истории революционных событий Октября 1917 года. Анализ этого творческого наследия позволяет отметить, что одной из причин революционных потрясений Г. П. Федотов считал мизопатрию – процесс национального самоуничтожения, наблюдавшийся в России в ходе импорта западноевропейской культуры.

Г. П. Федотов сформулировал гипотезу, согласно которой еще в период Древней Руси стал формироваться культурный разрыв между Западной и Восточной Европой. Его причинами стали появление славянской Библии и литургии на славянском языке. Это привело Древнюю Русь к отрыву от латыни и классической традиции.

В статье «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.) Г. П. Федотов писал: «...На первый взгляд... славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции... На Западе, в самые темные века его (VI–VIII), монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом – латынью, чтобы им открылись все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура – задолго до Возрождения...»³⁵⁴.

Г. П. Федотов заключал: «...Монах и книжник Древней Руси был очень близок к народу... Между ними не образовалось того напряжения, которое дается расстоянием и которое одно только способно вызывать движение культуры. Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения – ученика. Идеал культуры

³⁵⁴ Федотов, Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 73–74.

должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы...»³⁵⁵.

Еще дальше культурный мир античности отодвинулся в период Московской Руси: «...Здесь, на Севере, Русь перестает быть робкой ученицей Византии и, не прерывая религиознокультурной связи с ней, творит свое – уже не греческое, а славянское или, вернее, именно русское дело...»³⁵⁶.

При Петре I начался импорт в Россию западноевропейской культуры. В результате этого процесса произошел социальный раскол общества. Возникла пропасть между дворянством и всеми остальными классами общества: «...Отныне рост одной культуры, импортной, совершается за счет другой – национальной. Школы и книга делаются орудием обезличения, опустошения народной души... Результат получился приблизительно тот же, как если бы Россия подверглась польскому или немецкому завоеванию, которое, обратив в рабство туземное население, поставило бы над ним класс иноземцев-феодалов, лишь постепенно, с каждым поколением поддающихся неизбежному обрусению...»³⁵⁷.

В России стал формироваться особый тип людей – интеллигенция. Г. П. Федотов подчеркивал: «...интеллигенция – категория не профессиональная. Это не «люди умственного труда»...»³⁵⁸. «...Русская интеллигенция есть группа, движение, традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей...»³⁵⁹.

По мысли Г. П. Федотова, беспочвенность рождается на пересечении двух несовместимых культурных миров. Идейность вырастает из необходимости просвещения, ассимиляции готовых, чужим трудом созданных благ ради спасения и сохранения жизни своей страны. Поэтому ничего подобного русской интеллигенции не появилось на Западе, а также в других странах с органической культурой. «...Некоторое подобие русской интеллигенции мы встречаем в наши дни в странах пробуждающегося Востока: в Индии, в Турции, в Китае. Однако... в них нет ничего и отдаленно напоминающего по остроте наше собственное отступничество: ... нет национального самоуничтожения – «мизопатрии». И это потому, что древние страны Востока были не только родиной великих религий и художественных культур, но и глубокой мысли... Им есть что противопоставить европейскому разуму, и они сами готовы начать его завоевание...»³⁶⁰.

³⁵⁵ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 75.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. С. 80.

³⁵⁸ Там же. С. 68.

³⁵⁹ Там же. С. 71-72.

³⁶⁰ Там же. С. 79.

Мизопатрия в России проявилась в презрении элиты общества к традиционному быту, надругательстве над церковью, появлении идей, не связанных с почвой национальной культуры. Наиболее ярко она выразилась в секуляризации общественной мысли.

Г. П. Федотов отмечал сложность процессов культурного развития послепетровской России: «...Даже XVIII век и русское барство, особенно в нижних слоях его, много народнее, чем выглядит на старинных портретах и в биографиях вельмож. Не все получали свой последний лоск в Версале. В саратовских и пензенских деревушках – я говорю о дворянстве... – XVII век затянулся чуть не до дней Екатерины. Обе культуры живут в состоянии интрамолекулярного взаимодействия. Начавшись революционным отрывом от Руси, двухвековая история Петербурга есть история медленного возвращения. Переменяясь с реакциями, но все с большей ясностью и чистотой звучит русская тема в новой культуре, получая водительство к концу XIX века...»³⁶¹.

Г. П. Федотов высоко оценивал культуру России XIX–начала XX века. Он полагал, что в ней побеждало не утилитарное и количественное, а духовное и качественное понимание культуры. Особенно значимой для него была философская мысль этого периода. В статье «Национальное и вселенское» (Париж, 1928 г.) Г. П. Федотов доказывал, что русские философы конца XIX–начала XX века продолжили осмысление идей, которыми жила Древняя Русь³⁶².

Однако Г. П. Федотов отмечал и тот факт, что в начале XX века мир пережил страшную реакцию. В ходе Первой мировой войны, революций и экономических кризисов с необычайной мощью заявили о себе низшие, элементарные стихии культуры. Все новейшие европейские революции создали особый психологический тип человека: военно-спортивный, волевой, антиинтеллектуальный, технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на примате власти. Национальное сознание людей стало исключительно рациональным, политическим, экономическим. По своему содержанию оно совпало с государственным сознанием.

Этот вывод стал для Г. П. Федотова основанием рефлексии над собственным историческим мировоззрением. Его взгляды на значение и роль Российской империи в мировом историческом процессе эволюционировали от апологии империи до ее критики.

Так, в статье «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.), высоко оценивая заслуги и роль В. О. Ключевского в развитии российской исторической науки, Г. П. Федотов критиковал его за «нечувствие Им-

³⁶¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 81.

³⁶² Федотов Г. П. Национальное и вселенское / Г. П. Федотов – Режим доступа: http://odinblago.ru/nac_i_vsel – Дата доступа 15.08.2015.

перии»³⁶³. По мысли Г. П. Федотова, внимание В. О. Ключевского к изучению только великорусской истории вызвало к жизни «...исследования западнолитовской и южноукраинской Руси (работы Лаппо и Любавского, Грушевского и его школы, Багалея и др.). Однако эти исследования не только не вошли органически в состав русской историографии, но привели к образованию «национальной» украинской школы, более всех других явлений молодой украинской культуры грозящей распадом общерусского сознания...»³⁶⁴.

Качественно новое понимание российской историографии рубежа XIX–XX веков Г. П. Федотов продемонстрировал в статье «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.). Рассуждая об особенностях национализма и имперского сознания в дореволюционной России, он заключал: «...XIX век для большинства интеллигенции означал сужение национального сознания до пределов Великороссии... Интеллигенция возмущалась насильственной русификацией или крещением инородцев, но это возмущение относилось к методам, но не к целям. Ассимиляция принималась как неизбежное следствие цивилизации...»³⁶⁵.

Говоря об Украине и украинской историографии, Г. П. Федотов писал: «...На наших глазах рождалась на свет новая нация, но мы закрывали на это глаза. Мы были как будто убеждены, что нации существуют извечно и неизменно, как виды природы для доэволюционного естествознания. Мы видели вздорность украинских мифов, которые творили для киевской эпохи особую украинскую нацию, отличную от русской. Но мы забывали, что историческая мифология служила лишь для объяснения настоящей реальности.

Нации не было, но она рождалась – рождалась веками, но в ускользящем темпе в наши дни. 1917 год был актом ее официального рождения...»³⁶⁶.

Причину создавшейся ситуации Г. П. Федотов видел в отрыве российской интеллигенции от своих традиционных православных корней. Этой теме он посвятил работы «Три столицы» (Париж, 1926 г.)³⁶⁷, «Будет ли существовать Россия?» (Париж, 1929 г.)³⁶⁸, «Проблемы будущей России» (Париж, 1932 г.)³⁶⁹.

Г. П. Федотов отмечал: «...Южнорусское (малорусское) племя было первым создателем русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и само себя всегда именовало рус-

³⁶³ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 345.

³⁶⁴ Там же. С. 347.

³⁶⁵ Там же. Т. 2. С. 316–317.

³⁶⁶ Там же. С. 321.

³⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 50–65.

³⁶⁸ Там же. С. 173–184.

³⁶⁹ Там же. С. 228–269.

ским (до конца XIX века). Настаивая на этом, мы, русские, правильное выражаем историческую идею украинофильства, чем современные самостийники, предающие свой народ и его традицию его историческим врагам. Ближе мы, несомненно, и к национальному сознанию народных масс Украины, чем полонофильские или германофильские круги ее интеллигенции. И, однако, мы в качестве великороссов грешим невежеством и невниманием к южнорусской традиции, за Москвой теряем истинное ощущение Руси, а в настоящем просто недооцениваем грозного факта украинского отталкивания от нас...»³⁷⁰. Г. П. Федотов предрекал, что проблема Украины станет самой трудной в ряду национальных проблем будущей России.

По мнению Г. П. Федотова, процесс появления национальных культур в Европе XIX века имел глубокие исторические корни. В статье «Новый идол» (Париж, 1935 г.) он писал: «...Правда заключается в том, что национальная идея, по происхождению языческая, получила христианское крещение – довольно позднее – в свете учения о соборной личности. С этого момента она входит существенным ингредиентом в синтез христианской культуры. Однако необходимым условием ее нормальной жизни является ее соподчиненность другим великим идеям, образующим полноту Истины. Вселенское принадлежит к более глубокому и первичному слою в христианстве, нежели национальное. Церковь Христова родилась как вселенская и жива лишь там, где вселенское сознание не заглохло... Интернационализм, понимаемый как механический сплав потерявших свой духовный облик народов, противен персоналистической природе христианства. Но столь же справедливо, что национализм, восставший против вселенского единства во имя обособленного эгоизма частей, не имеет ничего общего с христианской идеей человечества...»³⁷¹.

Г. П. Федотов неоднозначно оценивал значение революционных событий Октября 1917 г. для истории России. По его мнению, их положительный итог заключается в том, что российская культура перестала быть замкнутой и двухэтажной. В статье «Создание элиты (Письма о русской культуре)» (Париж, 1939 г.) Г. П. Федотов писал: «...Каков бы ни был политический смысл русской революции, ее культурное содержание может быть описано, с крайней схематичностью, следующим образом: русская культура, доселе творимая и хранимая интеллигенцией, спускается в самую глубину масс и вызывает полный переворот в их сознании... Старое противопоставление интеллигенции и народа потеряло свой смысл. От центра к перифе-

³⁷⁰ Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 249.

³⁷¹ Там же. Т. 2. С. 62–63.

рии движение интеллектуальной крови совершается без задержек и сбоев. Россия в культурном смысле стала единым организмом...»³⁷².

Этот процесс культурной модернизации Г. П. Федотов оценивал как приближение России к общеевропейскому типу демократической культуры. Однако здесь он оказался форсированным. Из-за сознательного истребления интеллигенции произошло понижение уровня российской культуры, а мизопатрия как явление духовной жизни не исчезла. Она продолжилась в духовном опыте денационализации России, предпринятом Лениным³⁷³, – отделении церкви от государства и гонениях на православную церковь.

СССР Г. П. Федотов рассматривал как наследника Российской империи. Он отмечал, что большевизм собрал советские республики силой террора, а отсутствие политической свободы прикрыл обильными поблажками национальному тщеславию. «...Национальный романтизм, неизбежно принимавший националистическую окраску, был ему ненавистен. На десятках языков Союза должны были печататься и читаться только полные собрания сочинений Маркса и Ленина. Это было достигнуто, с прибавлением од Сталину. Для этого понадобилось задушить национальные литературы (особенно украинскую и тюркскую) с истреблением значительной части их интеллигенции. С тех пор национальные движения были загнаны в подполье. – Но это значит, что опять, как в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимофедеративную Империю...»³⁷⁴.

Г. П. Федотов предсказал будущий распад СССР. Он охарактеризовал имперское сознание как «языческий комплекс», потеря которого станет нравственным очищением, освобождением русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик³⁷⁵.

Философ был убежден: «...Человек без Бога не может оставаться человеком. Обезбоженный человек становится зверем – в борьбе – или домашним животным – в укрощенной цивилизации...»³⁷⁶. Поэтому он неоднократно подчеркивал: «...Вопрос о спасении нашей культуры есть вопрос духа...»³⁷⁷. Г. П. Федотов доказывал, что духовные структуры общества являются основополагающими в определении особенностей его культуры, определяют геополитику ведущих государств Запада и Востока.

Г. П. Федотов призывал вернуться к истокам «русского христианства». Православной религии он отводил ведущую роль в создании, сохранении и развитии культуры российского общества.

³⁷² Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов. Т. 2. Санкт-Петербург: София, 1991. С. 206–207.

³⁷³ Там же. Т. 1. С. 80.

³⁷⁴ Там же. Т. 2. С. 323.

³⁷⁵ Там же. С. 327.

³⁷⁶ Там же. С. 43.

³⁷⁷ Там же. С. 315.